

ДМИТРИЙ ВОЛОДИХИН

СЕВЕР. СКАЗЫ
О РУСИ

Дмитрий Володихин
Север. Сказы о Руси

«Автор»

Володихин Д. М.

Север. Сказы о Руси / Д. М. Володихин — «Автор»,

ISBN 978-5-904919-92-4

Северная Русь – чаша чудес. Но всех этих чудес величавее и краше
соединение любви к человеку и веры в Бога. Пока у нас это есть, мы не
пропадем. О том и книга.

ISBN 978-5-904919-92-4

© Володихин Д. М.

© Автор

Содержание

Самойло Звон	5
Буян-остров	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Дмитрий Володихин

Север. Сказы о Руси

Самойло Звон

Жил в земле Новгородской человек по имени Самойло Звон.

Родился он на Пасху в лето седьмотысячно. Как только первый крик младенческий послал он небу, так во храмах ударили ко праздничной службе на Воскресение Христово. Оттого-то Звоном его и прозвали.

Книжные люди новгородчи баяли: немилостив к нему Господь! На муку-де послал ребеночка, доброго-то ничего не увидит, одне страдания ждут его. Ведь как источилась седьмая тысяча лет, так Страшному суду быть, верно во древних книгах пишут! Конец света при дверех.

Однако явился святого жития один человек и рассудил инако: «Писаний много на свете, а не все священные суть. Не ведаем, к чему Бог послал ребеночка, не ведаем, милостив ли к нему или немилостив. Замкнем уста ныне, братие! Ум наш слаб». Вольные мужи новгородчи мало не передрались тогда: нравом резвы, спорить любят...

Конец света, сколь его ни ждали, а не пришел. Должно быть, Богородица отмолила со святым Николой-скорпомощником: сжалился Бог над родом людским, дал ему на исправление еще лет четыреста, а иные говорят – пять сотен.

Возрастая, горькой похлебки полынной сполна наглотался Самойло. Был он тощ, словно щепань лучинная, и за то дразнила его прочая ребятня. А он бился со всеми нещадно, то один на один, то противу двоих, а то и с троими враз. Однажды, еще отроком, подрался с четырьмя здоровыми рыбалями с Белого озера, а нет на свете людей грубее рыбаля. Отходили Самойлу Звона так, что ни сесть и ни лечь он не мог два дня. Рыбари промеж себя усмехались: не Звонде, а Порох чистый, от простого погляду вспыхивает. Прозвище новое, однако, к Самойле не пристало.

Почернел с лица Звон, отощал совсем уж до нелепицы, злобен сделался. А был сам из рукотесленников, что варили соль на продажу, и дал ему Бог достаток. Соль-то всегда в цене. Но ни одна девица замуж за него не шла. Боялись: сухой, как бес, да огонь у него в очах, да кулачищи быстры – прибьет! Не человек – волчище. Разом уходит жонку свою и не помилосердует нимало. Может, изувечит ишшо.

Отправился как-то Самойло в лес по грибы, да вдруг нашла на него блажь: раз ни от кого нет к нему ни добра, ни ласки, ино пора бы и совсем пропасть! Люто осерчал на злой люд, что ему покоя не давал. Побрел без разбору, куда глаза глядят. Долго шатался меж чащоб. Обеспутел. Уже и не признает мест, куда завела его нелегкая.

Набрел на старую деревню мертвую, уже и дома в землю вросли, иколодезь ослеп, и церковка елями проросла. А остался целехонек только малый срубец, что в давнюю пору ставили над могилками. Сел у срубца Самойло Звон да и понял, какая ему судьба уготована: ляжет во сырую землю, так обратно не подыметя.

Сей же час отлетела от него блажь, и восплакал: «Боже, Боже, спаси меня! Не работал Тебе прежде, ныне же сделаюсь смирен и молитвен, ниже с кем на кулачки выйду. Над грешным рабом Твоим смилуйся! Что за жизнь у меня вышла: тут пусто и там пусто, одна только драка да злость. Выведи меня отсюда, Господи, я переменюсь».

И тут слышит он: где-нито колокол звенит. Кабыть с той стороны? Али с этой... Нукошь, пойдем, пойдем на звон.

Так на звон-то и вышел к погосту Каменному. Возрадовался и седмицею позже отдал на подворье славной Соловецкой обители коня бурого – во благодаренье Богу.

Перемениться же ему никак не выходило. Звон колокольный полюбилпуще пирогов с белорыбицей. Ходил по всякий праздничный день чрез весь славный Новгород, слушал, где звучит сладостнее. Говорил тут и там, что звоном от гибели спасен и, зная, не просто так под звон-то и родился, уготовал ему в звонах Господь какой-то смысл, притчу и понятие. Люд же языкатый, мужи новгородчи, всё в охулку пускали: звоном спасен, ино соделайся пономарем, а то поюродствуй, может, звоном прямо на небо подымесся! Где тут взяться душевному устройению? Самойло раз стерпел и другой стерпел – Богу же обетовал смиряться! А потом оттрепал купчину-бражника за злое слово. Граждане глядят на него да похваливают: «Удал, удал! Экого здоровилу с трех ударов уложил». А Самойле тошно. Иное мыслил про себя, иное Богу говорил.

Решил он удалиться в чащу и в дебрь. Пошел встречу светилу дневному и достиг большой деревни Бросачовой Емецкого стана, что на Двине. Тут устроился без препон и горестей не знал.

Только скушно ему соделалось. Где в его судьбине смысл, притча и понятие? Чем работает он Богу, oprичь утреннего правила и вечернего? Поле души его впусе лежит, никоторого там нет божественного пения, и серафимы крылами не плещут, и ангелы очей не кажут. Целина, плугом не тронутая!

Принялся Самойло бродить по окрестностям, моля Бога дать ему знак: куда повернуть ныне?

По вечерней поре вышел как-то на Михайлово озеро, что рыбой кипит. Темень спустилась, совы над тропую на ветвях уселись, то одна, то другая вниз слетают и лягушек когтями цапают. Лось в лесу пошумливает, гнус-мошку от себя отгоняет. Рысь повольню ходит. Не обвык тут зверь к человеку, не боится его нимало.

В деревьях тишь. Ни огонька, ни дыму, ни духа людского...

И вот слышит Самойло: над водою нибыдто звук поплыл – дальний колокол великий ударил. Вдругорядь пронесся звон, ближе. И третьего раза зазвучало, совсем уж рядом. Где ж колоколенка?

А вон там, по всему, на островке, средь волн озерных. Оттуда доносится! И пение вместе с тем церковное... Только деревни там нет, и храма нет, и колокола, стало быть, тоже нет. То ли чудо Божье, то ли лукавство бесовское: невидимый оку колокол бьет и бьет, сладок и протягновенен глас его.

Ну да бесям тут делать нечего: всякий знает, что от гуда колокольного у них корчи делаются и расслабление. Видно, нечто небесное творится, токмо сокрытую правду сего знамения никак невозможно уразуметь.

Стал Самойло похаживать тут и там близ Михайловского озера. Искал, к чему тот знак ему Господень явлен.

Раз увидел монахов на берегу речки Си. Стояли они на коленях и молитвенно простирали руки к Богу. Наставником был у них новгородч Андрей, что принял со иноческим постригом имя Антоний, его Самойло и прежде немного знал. А с Антонием явилось малое стаде словесное – шесть братьев-инок, онежан и двинцев: Александр, Иоаким, Исаия, Елисей, Иона да Александр-младший.

Пришел к Антонию Самойло и встал под благословение. А благословившись, поведал о ночном звоне колокольном и спросил разъяснения. Тут ему Антоний-то и молвил: «Сам Бог тебя сюда привел».

Искали иноки место тихое для новой обители. Со старого-то места согнали их емчане из деревни из Скроботовой, не захотели давать инокам земли. А тут – покой, глушь. Да еще сам Господь указывает перстом, где обитель ставить. Чего ж еще?

Вспрашивал Самойло Антония, отчего Бог чрез него, человека неистово гневного, явил чудо, а не чрез истинного праведника. И Антоний говорил ему: «То тебе за смирение».

И всякий окрест узнал тогда Самойлу Звона, и был ему почет, что он слышал невидимый колокол, а никто иной не слышал.

Устроил Антоний стадце свое невеликое с простором. В ту пору земли полунощные едва дым печной знали, от деревни до деревни – длинные версты, от обители до обители – дни и дни езде. Вот как-то решили в земле Белозерской две обители разделить Сороярьские леса. Поговоря промеж собою, послал игумен Кириллова монастыря Касьян старца Савву, а игумен Фарафонтова монастыря послал старца Арсения. Пошли они навстречу друг другу, ни деревень не встречая, ни великих сел, ни малых починков. Шли старцы долго, утомились. А встретившись, развели себе межья: от Микшина озера на устье Черной речки, а с устья Черной речки – на перьв овраг, и по перьвому врагу прямо в гору, и через великие мхи прямо на покляпую ель, а от покляпой ели ко грановитой сосне, а от сосны на мошок, а с мошка долком к великому бору, что подле кургана. Иных межей там от веку не бывало, ибо люд русский не селился. Ни соха там не ходила, ни коса, ни топор.

Такожде и близ Михайлова озера – места тихие и пустые. Иноки тамлес валили, землю копали, злаки сеяли себе на пропитание. Установил Антоний крепкое иноческое житие: трапезовали вместе, много молились, работали не покладая рук, все, что имели, разделяли поровну. Три года жили всемером, никто не ушел. Питались от трудов своих, постом Богу угождая, скудость со благодарением терпя. Самойло же, бывало, им хлеба привозил.

Срубила себе братия малые келейки, а Богу – Троицкий храм дивный, о пяти венцах. Расписал его в лицах иконный писчик из славной Ошевенской обители.

Родовались иноки храму, радовался и Самойло Звон. Одна туга мучила его. Явился он раз к Антонию и допытался: «Отцего пение в черкве есть, а звона по сию пору нет? Слышал я тогда над водами звон колокольный, а у тебя, отце, колокола не завелось, билом братию на службы скликаешь». Отвечал Антоний: «Дорог колокол. Не имеем столько серебра, чтобы купить его».

Погрехом несчастье случилось. Однажды после заутрени забыл пономарь свечи в храме погасить. Братия же со Антонием отошла на сенокос. Загорелась церковь, да некому тушить. Разбушевался пожар, и спалило храм огнем великим дотла. Едина икона Святой Живоначальной Троицы чудом от пламени спасена была.

Возрыдал Антоний. Братия смутилась и чуть не разошлась. «Не оставил ли Бог место сие? Многая скорбь сюда пришла...» – роптали иноки.

Но Антоний вскоре вооружил их упованием на Господа и велел ставить новый храм, больше прежнего. Братия его хотя и со скрежетом зубовным, а все же взялась за плотницкие топоры.

Опять явился Самойлоко игумену. «Отцего, Антоние, храм-то сторел?» Отвечено ему: «Грехи наши – что пена морская. Грешим по всякий день обильно, безумно и страшно. Ленивы на молитву, излиху праздны, да к тому и горделивы, словно древние цари персидские. Живем как скот, из нечистот своих не вылезает, не имеем слез для покаяния, не имеем в сердце сокрушения. Как же Богу не попустить нам такой беды? Скверны мы все, а я более всех! Лучшего не достойны». Подумал Самойло и не согласился: «Антоние, в обители твоей жизнь сильная, уставы нерушимы, средь братии взаимная любовь и к Богу почитание нелицемерное. Но колоколов ты в монастыре своем не устроил, вот Господь и гневен на тебя». Игумен против того не спорит: «Есть на мне и такой грех. Да не вижу, как выправить его. Бедна обитель-то». Самойло отвечает ему с торжеством и ликованием: «Антоние! Молю тебя, постриги меня, коли я добуду тебе колокол! Нет мне удела вмиру, один я как перст. Хоцу с вами веселиться о Христе. Пусти меня в обитель!»

Антоний подумал немного и дал ему благословение: «Добывай! Будет с тобой, как хочешь».

Самойло же с радостью продал дом свой – хоромину великую, еще всю скотину продал, какую имел. Владел амбаром соляным, цренами для варения соли же да справным кочем. Инде кому коч отдал, инде кому амбар со цренами, а сам остался гол. Серебра отовсюду взял точию столько, сколько вологодские литцы с него потребовали: за работу и провоз.

Доставил Самойло Звон большой колокол до самой до честной обители. В один день колокол взгромоздили на колоколенку, а Самойлу постригли во иноки.

Как ударили к вечерней службе, так сел Самойло Звон наземь, осенился крестным знаменем и помер. Толико успел сказать: «Сладкозвучно...» Лицо Самойлы в смертном сне от забот и тревог расправилось, как пашня, снегом укрытая; видели в нем иноки покой и счастье. Никакого горя не осталось ни на челе, ни на устах, ни в очах, одна чистота да ровность.

Похоронили его в ограде монастырской: пускай всего час побыл во иноках, а все же сана святого удостоен.

Говорила о нем братия: «Милостив к Самойле Господь! Красно судьбу его устроил. Под звон колокольный на свет появился, им же от гибели спасся, от него же прославился, его же заслышав, упокоился. Кому жизнь досталась краше? Разве только святым угодникам».

Буян-остров

Во граде во Великом во Устюге при соборной церкви Успения Пречистой жил протоиерей Иоанн, истинно книжный человек и великий нищелюбец. Ото всех устюжан было ему почтение: и от посадских людей, и от гостей, и от служильцев государевых, и от воеводы устюзского.

Един первенец Иоаннов никакого почтения отцу не явил.

Крестили его Саввою, был он велик ростом, дороден и рожайст, глас имел яко труба иерихонская. Обутку же носил кожаную в локоть длиной, и оттого прозвался Чобот. Нравилось ему драться с купцами новгородскими, ибо новгородчей во Устюзе не любят за их повадку горделивую и хватки воровские, а кто помоложе, те с новгородчанами на кулачках сходятся. Савва же Чобот у молодых несмысленных людей верховодил, и оттого почасту о приезжих кулаки точил. Еще нравились ему байки странных людей о дальних землях, о краях, соболиным мехом кипящих, о народцах, златорудные места ведающих. Пошел Савве Чоботу двадцатый год, захотел отец его, годами изветшавший, посадить сына на свое поповское место при соборной церкви. И говорит ему: «Женись, Саввушка. У торговых людей Совиных дочь в девицах – добротую украшена, верою строга, домовита, именем Марья. Будете угобжаться с нею да меня добрым словом поминать. Между мною и отцом ее уже уговор слажен, по рукам бились». Савва чрез товарищей своих сведал: девица юна, нравом тиха, лицом красна, не крива, не суха и не глупа. Во храме поглядел на нее и полюбил. Отцу же сказал противное: «Не хочу встречу тебе говорить, и Машка та пригожа, а обжениться с нею нимало не желаю и тако не сделаю».

Отец его с изумлением спрашивает: «Неслух! Да разве об твоём хотении речь! Понимаешь ли, что род наш передо всем Великим перед градом Устюгом соромишь? Понимаешь ли, что невесту свою бесчестишь?»

А сын его пуще злобесничает: «Да хоть бы и тако выходило, а к бабе я приставать не желаю. Баба – бремя какое! А мое ныне искание – погулять. Рано мне в воз впрягаться и жилу рвать, счастьешка поищу».

«Да отчего ж тебе, оглобля, доля такая нежеланна? – гневает честной протоиерей. – Всякому доброму христьянину токмо такая доля и хороша. Чего тебе еще надобно?»

«А надобен мне, – отвечает сын, – простор! Простору мне мало. Во граде Устюзском от людей теснота. Не повернешься, чтобы бока о чужое рыло не ободрать! Скучно мне».

Ино хотел было отец поучить его по-отечески, ибо сказано: «Сокруши сыну своему ребра со любовию, ибо детеск ни Бога не знает, ни ума не имеет, и без таковой науки пропадет», – однако Савва Чобот крепок был, а отец его дряхл, и не дался ему в руки сын.

Горек хлеб отца, коему отпрыск не повинуется! Хуже лютой смерти неблагодарность сыновняя!

Сказано было Савве: не наберется он смирения, так место поповское не ему достанется, а брату его младшему, Михайле. Ежели Михайло пожелает взять его к себе диаконом, что ж, тако тому и быть. А не пожелает, тогда пускай Савва сам о себе промыслит.

Разъярился Савва Чобот: не надоть ему ни диаконства, ни жены молодой, ни хомута братнего! Где это видано, чтобы старший брат младшему в подчинение шел!

Отец Иоанн сказал ему многое от Божественного писания, приличное к случаю. Перемены ума, однако, от сына своего не добился. «Дай, – говорил ему Савва Чобот, – серебра да хлеба. Отделиться хочу. Впрямь о себе сам промыслию».

Хоть и неслух был попов сын, а пожалел его отец. Дал ему серебра нескудно, дал хлеба, разве только отцовского благословения не дал, ибо сказано: «Не мечите бисера перед свиньями».

Пошел тогда Савва Чобот на Вологду. В ту пору на Вологде стоял большой торг с иноземцами. Великий государь Иван Васильевич приезживал – место пригожее смотреть, а как увидал его, так велел копать рвы и место сие очистить под большой каменной город.

Отыскал себе устюженин Савва товарищей, наладился было с низовских земель хлеб на Вологду привозить, хлеб там дорог. Но скверны оказались те товарищи: деньги отцовы без малого все у него забрали, прибытку же никакого не сотворили, один вышел от них обман.

Огорчился Савва Чобот. Принялся он с остатком денег гулять меж двор да сидеть в кружале. «Нет правды на Руси, – говорил. – Одно обдувальство!»

Раз завидел он торговых людей с Новгорода с Великого, старых знакомцев. Затеял с ними по старому своему обычаю на кулачках меряться, удаль показывать. Да тут ему не Великий не Устюг, а место чужое. Новгородчей много, сплошь охальники и задиры, что им един колоброд, когда нету с ним ватаги таких же околотней? Меряться по-честному не захотели, отметелили вусмерть да последние копеечки забрали.

Был тогда на Вологде стрелецкий голова, государев служилец Стефан Юренев. Набирал он из гулящих людей городских стрельцов. Пришел к нему Савва Чобот и говорит: «Челом быю! Прибери меня, честной господин, на службу стрелецкую! Пострадал от новгородского разбою, всемером одного били – где тут правда? Не презри, преклони ухо к моей мольбе». Тот оглядел Савву тут и там, видит: крепок. Ответствовал ему: «Сам виноват! Не будь простодырой, не лезь один на цельный скоп. На цареву службу тебя, хоть и дурак, а возьму. Был бы здоров, прочее приложится».

Дали устюженину Савве пицаль с сошкою да пороховницу-натруску, дали бердыш, дали сапоги новые, дали кафтан зеленый доброго сукнеца да с петлицами. Избу срубил себе Чобот.

Жил бы покойно, наживал бы добра. Но не таков Савва. Что ему Вологда шумная, Вологда богатая? Оно и Устюг – город небедный. Что ему торги и гости заморские? Чай, выдывал у себя всяких гостей, всякие лоды их торговые тож. Что ему службишка государева? От ярма отцова ушел да к ярму стрелецкому пристал...

Не по нраву пришлась Савве Чоботу жизнь ратная. «Какая в ней правда? А никакой правды нет. Отчего, – говорил, – жалованье мое голова задерживает? Отчего по великим праздникам к себе за стол зовет, но не ради угошенья, а прислуживать? Я в кабалах и в крепостях от него не бывал. Я ему не холоп. Я великому государю служу, так отчего ж мне опричь прямой службы царевой еще и новое тягло – кривую службишку от слуг его – на хребтину возложили? Не по правде то и не по справедливости!»

Говаривали ему иные стрельцы: «Пока молод, тягло со всех сторон на тебя налагают. Сдюжишь, так будет тебе с течением лет выходить легота. Ослобонишься, ничего. Всюду так».

Да он не слушал и не унимался. Гневен стал на него Стефан Юренев. Со службы не гнал, но отмерил тягот полною мерой. Что ни ночь, то всё ставил в уличную сторожку. Принялся также стрелецкий голова отсылать Савву Чобота в дальние посылки.

Однажды велел ему с государевою милостынею плыть на лодии ко великой обители Соловецкой, что на окиянстем острове.

Отплыла лодия на Покров, позднихонько. По грехом, разыгралось студеное море Соловецкое. Бурно сделалось. Мотало лодию и кидало. Кормщик на Николин образ молился не единожды, да, видно, слаба вышла его молитва. Ударило корабль о камни, когда уж кресты на церквах монастырских видно было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.